

Желание
женщины

**Читайте
любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой
в серии «Желание женщины»:**

*Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду*

Людмила

МАРТОВА

ВИШНЯ ВО ЛЬДУ

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Оформление серии *С. Курбатова*

Мартова, Людмила.

М29 Вишня во льду : [роман] / Людмила Мартова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой).

ISBN 978-5-04-091620-7

В картинной галерее ЧП — из запасников исчез этюд Куинджи! Прежде чем поднимать шум, сотрудница музея попросила своего старого знакомого, полковника Виктора Дорошина, попробовать разобраться с этой проблемой в частном порядке. Поначалу дело не показалось ему сложным. К тому же Виктора ждал приятный бонус — знакомство с очаровательным искусствоведом Ксенией. Девушка старалась помочь и снабжала Виктора необходимой в расследовании информацией о сослуживцах и внутренних делах галереи. В этом храме культуры царили совсем не высокие отношения! И простота задачи оказалась обманчивой — выяснилось, что из запасников пропал не только Куинджи. А потом одного из сотрудников галереи обнаружили убитым! И отношения с Ксюшей вдруг приняли странный оборот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091620-7

© Мартова Л., 2018
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2018

*И поныне каждую ночь светит сверкающей
глаз ночи.*

*Селена ведет за собой звезды, расстилая
небесную карту, освещая путникам и морякам
путь к дому в память о вечной любви...*

Сказка о Луне

*Все события вымышлены.
Возможные совпадения случайны.*

Девушка была чудо как хороша. Тоненькая, изящная, но при этом оч-ч-чень рельефная в тех местах, которые привычно притягивали к себе мужской взгляд Дорошина. Ну нравились ему фигуристые девушки, что ж поделать?!

Он никогда не отказывал себе в удовольствии проводить глазами попавшуюся навстречу нимфу с плавно покачивающимися бедрами, тонкой талией и упругой грудью. Чего уж тут скрывать, жена ушла от него именно из-за этой его страсти. То обстоятельство, что за все годы совместной жизни он ни разу ей не изменил, разгоряченным ревностью мозгом во внимание не принималось.

Измену Дорошин считал подлостью и пошлостью. А получение удовольствия от созерцания прекрасных женских тел, тем более прикрытых одеждой, — вполне невинным занятием, не нарушающим ничьих интересов. Вот только жена считала иначе. Да и бог с ней.

Ушла она еще весной, а официально они развелись всего две недели назад, и в общем-то уже привыкший к холостяцкой жизни и смирившийся с неизбежностью расставания Дорошин снова маялся от того, что приговор оказался окончательным и не подлежал обжалованию.

Трагедии, конечно, никакой не случилось. Сын вырос. Обязательства выполнены. Пути-дороги разошлись в раз-

ные стороны. Даже жилищный вопрос ничего не портил. Четырехкомнатную квартиру, когда-то полученную путем обмена из двух родительских, теперь поделили обратно. Хорошая просторная двушка в новом доме, расположенном в спальном районе, досталась в безраздельное пользование сыну. В однокомнатной «сталинке» в самом центре обитала жена, теперь уже бывшая. А Дорошин переехал во внезапно доставшуюся ему от дяди двухэтажную домину на самом берегу реки, расположившуюся практически напротив городского кремля.

Домина была деревянной, отапливалась русской печью и требовала серьезного ремонта, но Дорошина полностью устраивала. Руки у него росли из нужного места, свободного времени по выходным теперь было хоть отбавляй, поэтому года за два-три он собирался самостоятельно перестроить дом, вырыть скважину, установить газовый котел, — в общем, сделать жилище комфортным для проживания современного человека. А пока Дорошину и так было хорошо, тем более что на неделе он приходил домой только ночевать.

Главным достоинством дома, несомненно, была стоящая отдельно баня. Размер шесть на три включал в себя прекрасно обставленную комнату отдыха, парную с финской печью и с любовью установленными полками, а также душевую со столитровым электронагревателем. Воду в него приходилось накачивать насосом из колодца, но Дорошина это не останавливало, и в душ он ходил, как привык, два раза в день, утром и вечером, не жалея дров на ежедневную растопку печи.

Умерший брат отца был знатным парильщиком, и при его жизни Дорошин нет-нет да и заезжал по субботам

к дядьке, чтобы быть от души и со знанием дела отхоженным хлестким веником. Дядька никогда не был женат, жил бобылем, детей не имел, и, хотя настоящей родственной близости между ними не было, когда он умер, Дорошин с изумлением узнал, что дом переписан на него.

Это, несмотря на странность ситуации, оказалось весьма кстати, позволив Дорошину сохранить при разводе остатки самоуважения. В сорок четыре года жизнь начиналась заново. Заниматься устройством этой самой жизни было лениво, но организм настойчиво требовал своего, сигнализируя, что более чем полугодовое воздержание совсем не полезно мужчине в полном расцвете сил.

К случайным связям Дорошин относился с безразличностью, а на серьезные отношения катастрофически не хватало времени. На неделе он работал, в выходные ремонтировал дом. По ночам ему снились эротические сны, столь же реальные, сколь и развратные. Он просыпался, дрожа от нестерпимого желания, ворочался, пытаясь уснуть, чертыхался и, испытывая отвращение сам к себе, вспоминал юность, усмиряя взбесившуюся плоть. Нет, ему совершенно точно нужна была женщина.

Стоящая на подоконнике девушка вешала шторы. Она обернулась на его шаги; бившее через оконное стекло солнце заливало ее рассеянным, словно приглушенным светом, в котором она выглядела хрупкой, юной, совершенно беззащитной. Дорошин оценил мягкие изгибы ее тела, совершенство фигуры, нежность тонкого, словно сделанного из дорогого фарфора личика, тяжесть толстой белокурой косы, небрежно перекинутой через плечо, и тут

же поспешил навстречу, чтобы подхватить огромный гобеленовый лоскут, который она держала в руках.

— Давайте я вам помогу.

— Ой, спасибо. — Девушка обрадовалась предложению так явно, что он невольно улыбнулся. Свет теперь лился из ее глаз, огромных, фиолетово-желтых глаз, обрамленных черными ресницами, невыразимо длинными и пушистыми, как у куклы. Дорошин даже не представлял, что у живых людей могут быть такие ресницы. — Я с этими шторами умучилась вся. Такие тяжеленные, сил нет. С одним окном уже справилась, вот со вторым бьюсь, и еще два впереди. Представляете?

Дорошин представлял. Помочь этому сказочно прекрасному созданию было его мужской обязанностью. И, принимая тяжелый гобелен, он сразу забыл, зачем вообще в разгар дня явился в областную картинную галерею. Не на экскурсию же, на самом-то деле.

— Как вас зовут? — будто невзначай спросил он у девушки, чьи руки легко порхали над тканью, продевая толстые крючки в петли, прорезанные в шторной ленте. Дорошин никак не мог разглядеть, есть ли у нее обручальное кольцо.

— Ксюша. Ой, извините. Ксения Александровна Стеклова. Младший научный сотрудник. Искусствовед. А вы к нам по делу?

— Почему сразу по делу. Может быть, я посетитель. Пришел с новой экспозицией ознакомиться. — Он привычно ушел от ответа, потому что сам не знал, есть ли у него здесь дело, или все, что от него требуется, это выслушать порцию старческих бредней.

— Нет-нет. — Ксюша звонко рассмеялась, и ее смех, словно звон колокольчика, рассыпался по просторной прохладной старинной зале. — Открытие новой экспозиции у нас только завтра. Сегодня музей закрыт для посетителей. Вы же видите, мы готовимся. — В подтверждение своих слов она чуть потянула штору из его пальцев. — Но вас пустили, значит, вы по делу, причем по важному.

— Мне нужно повидать Марию Викентьевну, — признался Дорошин. — Она попросила меня зайти.

Мария Викентьевна Склонская была единственной любовью его умершего дяди. Тот не называл ее иначе как Машенька и сумел пронести свое чувство через всю жизнь, не расплескав ни капли.

Дядюшка рассказал ему о ней совершенно случайно, когда размякший после хорошей парилки Дорошин, уже переживающий разлад с женой, но еще до конца не отлученный от семьи, спросил, почему брат отца никогда не был женат.

— Не нашли ту, единственную? — спросил он, в общем-то не ожидая услышать правдивого ответа.

— Почему же, нашел. — Дядька пожевал тонкими старческими губами. — Только поздно нашел. Помнишь, как у Пушкина? «Но я другому отдана и буду век ему верна...» Как раз наш с Машенькой случай.

— Она была замужем?

— Она собиралась замуж. Причем за моего учителя, человека, которого я безмерно уважал. Профессора Ивана Александровича Склонского. Он был старше ее. То чувство, которое она к нему испытывала... Нет, это была не любовь, конечно нет. Но уважение, огромное уважение,

практически преклонение. Их брак был одобрен отцом Машеньки, которого она боготворила и послушаться не могла. И хотя тоже полюбила меня всем сердцем, но все-таки вышла замуж за Склонского. И была рядом с ним сорок с лишним лет.

— И из-за этого вы так и не женились? — Дорошин не верил собственным ушам.

— Представь себе, да. Не мог представить рядом с собой ни одной другой женщины. Первые годы мучился и страдал ужасно. А потом... Склонский был нездоровым человеком, большое сердце, одышка... Ему были противопоказаны любые физические нагрузки. А Машенька, родив дочь, превратилась в цветущую молодую женщину... В общем, ты меня понимаешь. Все эти годы она была моей. Минуты близости у нас случались нечасто, у нее была работа, муж, дочь... Она не могла позволить себе украсть у них то время, которое по праву принадлежало им. Но иногда случались свободные минуты, и тогда она бежала ко мне. Вот в этот дом. И за эти минуты я был готов пожертвовать возможностью иметь собственную семью. Она жила в обмане и страшно мучилась от этого. Я не мог заставить ее страдать еще и из-за того, что она вынуждена воровать меня у какой-то другой женщины. Она бы этого просто не вынесла.

Профессор Склонский был известным в их городе литературоведом, дядя Дорошина, Николай Николаевич, — учителем русского языка и литературы. А Машенька, Мария Викентьевна, — искусствоведом. Работала она в областной картинной галерее с молодых своих лет, специализируясь на иконах и храмовой живописи.

— А когда Склонский умер, почему вы не поженились? — спросил Дорошин, чувствуя невольный трепет от силы чувств, которые довелось испытать его дяде. Нет, сам он не был способен ни на что подобное.

— Так жизнь прошла. Устоялась. И не нужно в ней уже было ничего менять. Зачем? Детей и внуков смешить? Да и вообще. Машенька много лет прожила со старым, немощным, тяжелобольным человеком. Я уже тоже не молод. Она заслуживает спокойной старости без необходимости хоронить еще одного мужа.

— Чего ж ты себя хоронишь? — возмутился тогда Дорошин. — Тебе ж семьдесят пять всего. И ты ж ни разу в жизни даже насморком не болел.

Дядька тогда не ответил, лишь криво усмехнулся, а спустя два месяца его не стало. Скончался он в одночасье от обширного инфаркта, и Мария Викентьевна Склонская была единственным близким человеком, кроме самого Дорошина, который пришел проводить его в последний путь. Дядька жил отшельником, друзей у него не было, другой родни тоже.

Признаться, Мария Викентьевна поразила Дорошина своей необычной внешностью. Немолодая уже женщина, да что там, почти старуха, она сохранила гордую статью, прямую спину, тонкую талию и ясный взгляд. Одетая во все черное, она держалась с тем врожденным изяществом, которое невозможно воспитать, с ним нужно только родиться.

Тяжелый узел серебристых волос на затылке, серебряные перстни на длинных тонких пальцах, не изуродованных старческим артритом, тихо звякающие на узких запя-

стях браслеты... Она была красива даже в свои семьдесят лет, и Дорошин тогда понял, почему дядька так «залип» на этой женщине. Было от чего «залипнуть».

Он тогда зачем-то дал ей свой номер телефона, чтобы позвонила, если ей вдруг будет что-нибудь нужно. Он оценил, что горе ее не наигранно. Она действительно скорбела по его дяде, человеку, которого любила много лет и с которым познала пусть запретное, но все-таки счастье.

И вот вчера она позвонила и попросила его прийти в галерею. Голос ее звучал взволнованно. Она тяжело дышала в трубку.

— Виктор, голубчик. Извините, что отвлекаю вас. Я знаю, насколько вы заняты, и никогда не посмела бы оторвать вас от дел, если бы не обстоятельства чрезвычайной важности. Видите ли, мне Николенька рассказывал, чем вы занимаетесь, и мне кажется, что у нас в галерее произошло событие как раз из разряда ваших компетенций. Я была бы вам крайне признательна, если бы вы пришли и выслушали меня. Поверьте, если мои подозрения не беспочвенны, то это ужасно. Просто ужасно.

Дорошин пообещал, что придет, хотя особого интереса не испытывал. Мало ли что там старухе почудилось. Его профессия вызывала неизменный интерес у всех, кто о ней узнавал, — начальник областного отдела УМВД по розыску пропавшего антиквариата и предметов искусства. Есть от чего впасть в ажиотаж и решить поиграть в детектива. Скучно, поди, Склонской, вот и выдумала удачный повод, чтобы повспоминать своего умершего любовника с его племянником.

Впрочем, глядя в фиалковые глаза Ксюши, Ксении Александровны Стекловой, он сейчас совершенно не жалел, что решил исполнить старушечью прихоть. Все-таки девушка была чудо как хороша, и романтически настроенный Дорошин даже представил на миг, что между ними вспыхнет такая же сильная страсть, как между его дядей и Машенькой. А что, эта чудесная молодая женщина — тоже искусствовед, а он, Виктор, в конце концов, дядин родственник, и вдруг по наследству ему передалась не только деревянная домина на берегу реки, но и способность любить горячо и пылко.

Оказывается, все это время Ксения ему что-то говорила. Он смутился, поняв, что, погрузившись в мечтания, все прослушал, и усталился на нее виновато.

— Я спросила, давно ли вы знакомы с Виконтессой. Ой, извините, — девушка чуть смутилась, — это мы Марию Викентьевну за глаза между собой так называем. Помните, у Рыбакова в «Бронзовой птице» была Графиня, такая вся страшная, неприступная, гордая... Склонская очень на нее похожа. Все гоняет нас, молодежь. Вот мы ее и прозвали Виконтессой. По аналогии.

Дорошин вспомнил худощавую фигуру, горестно склонившуюся над гробом дяди. Нет, пожалуй, он не назвал бы Склонскую ни жесткой, ни страшной, ни неприступной. Обычная женщина, хорошо знающая себе цену. Так этому качеству только поучиться можно.

— Недавно знаком, — чуть суше, чем следовало бы в разговоре с хорошенькой барышней, ответил он. — К тому же достаточно поверхностно.